

DOI: <http://dx.doi.org/10.21686/2411-118X-2025-3-70-80>

**Судебная практика – современный инструмент регулирования отношений
в сфере разведки, добычи и оборота энергетических ресурсов.
Соотношение норм различных отраслей законодательства**

А. С. Лалетина

доктор юридических наук, доцент.

Москва

E-mail: Laletinaas@gmail.com

**Case Law as a Modern Instrument for Regulating Relations in the Field
of Exploration, Production and Turnover of Energy Resources.
The Ratio of Norms of Various Branches of Legislation**

A. S. Laletina

Doctor of Law, Associate Professor.

Moscow, Russian Federation.

E-mail: Laletinaas@gmail.com*Поступила 05.08.2025 Принята к печати 21.08.2025***Аннотация**

В данной статье рассмотрены подходы российских судов к разрешению принципиальных и актуальных проблем правоприменения в сфере недропользования – в части разведки и добычи энергетических ресурсов. В настоящее время судебная практика не дала окончательного ответа на вопрос о юридической квалификации скважины; о соотношении прав собственников (владельцев, пользователей) участков недр, имущества, необходимого для их эксплуатации, и обладателей прав на земельные участки; о необходимости предоставления недропользователю права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию; о перечне правовых оснований для прекращения права пользования недрами, а также ряд других. Имманентная судебной практике гибкость в данном случае негативно сказывается на интересах субъектов отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (ТЭК). Высказано и обосновано мнение о том, что развитие законодательства об ограниченных вещных правах способствовало бы большей определенности ведения предпринимательской и иной экономической деятельности в сфере эксплуатации объектов ТЭК. Автор приходит к выводу о существовании в России прецедентного права. Констатируется, что, несмотря на ограничительное толкование Верховным Судом Российской Федерации понятия «судебная практика», подход судов к этому понятию остается максимально широким.

Ключевые слова: судебная практика, недра, разведка, добыча, скважина, энергетические ресурсы, публичный договор, аукцион, конкурс, земельный участок, энергоснабжение, конкуренция отраслей законодательства.

Abstract

This article examines the approaches of Russian courts to resolving fundamental and urgent problems of law enforcement in the field of subsurface use, in terms of exploration and production of energy resources. Currently, judicial practice has not given a definitive answer to the question of the legal qualification of the well; about the ratio of the rights of owners (owners, users) of subsurface areas, property necessary for their operation and holders of rights to land; the need to grant a subsoil user the right to lease a land plot either strictly within the boundaries of a mining allotment or within the limits necessary for subsurface use; the issue of a list of legal grounds for termination of the right to use subsurface resources and a number of others. Inherent flexibility in judicial practice in this case negatively affects the interests of subjects of relations in the fuel and energy sector. The opinion is expressed and justified that the development of legislation on limited property rights would contribute to greater certainty of conducting business and other economic activities in the field of operation of fuel and energy complex facilities. The author comes to the conclusion that there is a case law in Russia. It is stated that despite the restrictive interpretation of the concept of "judicial practice" by the Supreme Court of the Russian Federation, the approach of the courts to this concept remains as broad as possible.

Keywords: judicial practice, subsoil, exploration, production, well, energy resources, public contract, auction, competition, land plot, energy supply, competition of branches of legislation.

За последние пятьдесят лет судебная практика как правовое явление прошла путь от актов применения норм действующего законодательства до полноценного инструмента правового регулирования общественных отношений [4. – С. 14–15, 26–43]. Иллюстрацией может служить Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2025 г. № Ф04-1746/2025 по делу № А81-13362/2023, в котором суд указал на несостоятельность довода кассатора об отсутствии в России прецедентного права, пояснив, что единообразие в применении и (или) толковании судами норм права является одним из условий соблюдения требований о правовой определенности и стабильности судебных актов, отступление от которых является основанием для их отмены или изменения¹.

Причины такого качественного изменения роли судебной практики хорошо известны: 1) высокий уровень пробельности действующего законодательства; 2) противоречивость законодательного регулирования; 3) конкуренция норм законодательства различной отраслевой принадлежности.

Разведка и добыча энергетических ресурсов также не является исключением: основной федеральный закон, регулирующий этот сегмент отношений в сфере топливно-энергетического комплекса (далее – ТЭК) – Закон Российской Федерации «О недрах» (далее – Закон «О недрах») – во-первых, устанавливает условия гражданско-правовых договоров, заключаемых субъектами отношений в сфере недропользования, а во-вторых, предусматривает заключение договоров, которые должны соответствовать не только закону, но и условиям недропользования (т. е. недропользовательской лицензии), его целям, а также в некоторых случаях и проектной документации. Предусмотрены нормами Закона «О недрах» (ч. 5 ст. 7) и договоры, регулирующие условия пользования недрами, – для недропользователей, осуществляющих эксплуатацию участков недр в пределах одного геологического отвода. Конечно, ни Закон «О недрах», ни утвержденный совместным приказом Минприроды России и Роснедр от 25 апреля 2024 г. № 240/03 порядок заключения

таких соглашений не устанавливают никаких конкретных условий совместного проведения геологической разведки. Однако это означает практически полную свободу определения этих условий сторонами такого соглашения.

Очевидно, что называть такие договоры гражданско-правовыми в полной мере нельзя, но нельзя и не учитывать того, что законодательство о недрах не устанавливает никаких обязательных правил в отношении содержания таких договоров.

М. Б. Уаге применительно к правам водопользования и недропользования пишет, что преимущество гражданско-правовых оснований приобретения этих прав в действующих нормах законодательства привело к снижению административных барьеров для обладателей прав пользования, но усилило риски возникновения коррупционной составляющей в механизме их предоставления, что прежде всего проявляется в проведении аукционов на право заключить договор [14]. Ирония состоит в том, что отказ от конкурсной системы предоставления прав пользования недрами в пользу аукционной оправдывался именно необходимостью снижения коррупционной составляющей: якобы при предоставлении права пользования недрами сугубо рыночные механизмы, как более прозрачные по сравнению с конкурсами (где во главу угла ставится такой непрозрачный критерий, как обеспечение лучших условий), обеспечивают снижение субъективного фактора при рассмотрении заявок [1. – С. 105; 2; 5. – С. 27; 9. – С. 4–11; 13]. Некоторые исследователи высказывали обоснованные сомнения в том, что наличие денежных средств само по себе гарантирует качество разработки месторождений, другие указывали на то, что этот критерий ставит мелкие и средние компании в невыгодные условия – они не могут предложить более высокую цену, чем крупные компании, но способны осуществлять недропользование на более выгодных для государства условиях [10. – С. 88]. Небезынтересно то, что М. Б. Уаге называет аукционы гражданско-правовыми основаниями приобретения прав пользования, в том числе участками недр. Хотя вопросы пользования и распоряжения недрами находятся в совместном ведении Российской Федерации и субъектов, из чего должно бы следовать то, что применение гражданского законодательства (ко-

¹ Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

торое, напомним, находится в исключительном ведении Российской Федерации, согласно ст. 71 Конституции Российской Федерации) к этим вопросам исключено [14].

Роль судебной практики как полноценного инструмента регулирования в известной степени подрывается конституционно установленной исключительностью закона как основы правового регулирования. Собственно, суды, вынося решения, противоречащие сложившейся судебной практике, могут сослаться на отсутствие в России прецедентного права¹, на отсутствие у решений судов юридической силы нормативных актов² и даже на противоречие ссылок сторон судебного разбирательства на прецедентное право действующему законодательству³. Перечень инструментов правового регулирования не исчерпывается Конституцией Российской Федерации, федеральными законами и актами органов исполнительной власти. Очевидно, что буквальное толкование положения Конституции Российской Федерации в данном случае абсурдно – в таком случае сама Конституция не является источником права, поскольку не является законом.

Нельзя называть обоснованной ссылку судов на некое «прецедентное право». Суть системы прецедентного права состоит отнюдь не в способности судебной практики менять закон (как раз нормы закона применяются судами неукоснительно), но в специфике применения судебных решений по аналогичным делам. В системе прецедентного права она основана на концепции *stare decisis* – держаться того, что уже было установлено судом. Это означает обязанность судов следовать решению, вынесенному предшественниками⁴. Возникает риторический вопрос – в чем же различие между этим принципом и приведенным в начале данного исследования Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 30 мая 2025 г. № Ф04-1746/2025 по делу № А81-

13362/2023, где суд напомнил, что единообразие в применении и (или) толковании судами норм права является одним из условий соблюдения требований о правовой определенности и стабильности их решений, нарушение которых может повлечь за собой их отмену (изменение)? Таким образом, прецедентное право в России существует: использование судебной практики в качестве инструмента толкования положений закона, вопреки общераспространенному мнению, не является специфической особенностью правовых систем стран так называемого общего права.

Другое дело, что далеко не все судебные решения становятся прецедентами – объем понятия «судебная практика» до сих пор не определен ни законодательством, ни собственно судебной практикой. Например, истец, указывая в одном из споров, что тарифы на тепловую энергию и группа потребления не подлежат регулированию сторонами, ссылаясь, в частности, на то, что Определение Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ) от 13 июня 2006 г. № 4055/06 не является формирующим судебную практику судебным актом⁵. Аналогичная оценка была дана Арбитражным судом Западно-Сибирского округа постановлению суда апелляционной инстанции⁶. Еще ранее тот же суд по спору о способе определения объема бездоговорного потребления электроэнергии указал, что, вопреки доводу кассатора, результат рассмотрения настоящего дела (решения суда апелляционной инстанции) не формирует судебную практику по рассмотрению этой категории споров⁷.

Руководящим в этом аспекте можно считать Постановление Президиума Верховного Суда Российской Федерации (далее – ВС РФ) от 23 марта 2005 г. № 25-пв04⁸, в соответствии с которым нарушением единства судебной практики для Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ является вынесение определений, противоречащих следующим документам: 1) постановлениям

¹ См., например: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 13 апреля 2022 г. № Ф05-5562/2022 по делу № А40-69784/2021.

² См.: Постановление Нижегородского областного суда от 8 мая 2019 г. по делу № 4а-500/2019 // Опубликовано в СПС «Гарант».

³ Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда Российской Федерации от 29 июня 2022 г. № АПЛ22-253.

⁴ Право и экономическая деятельность (экономическое право) : Учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гурбанов [и др.]. – М. : Проспект, 2023. – С. 58.

⁵ Постановление ФАС Московского округа от 4 октября 2006 г. № КГ-А40/8736-06 по делу № А40-9353/06-6-51.

⁶ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 19 июля 2022 г. № Ф04-3436/2022 по делу № А45-28412/2021.

⁷ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 3 марта 2016 г. № Ф04-216/2016 по делу № А70-4927/2015.

⁸ Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2005. – № 9.

Пленума ВС РФ, содержащим разъяснения по вопросам судебной практики; 2) постановлениям Президиума ВС РФ; 3) определениям Судебной коллегии по гражданским делам и Кассационной коллегии ВС РФ по конкретным делам, содержащим толкования норм материального и процессуального права; 4) материалам официально опубликованных ВС РФ обзоров судебной практики и ответов на возникшие у судов вопросы в применении законодательства [3. – С. 38]. Такой подход был определяющим в течение примерно 10 лет.

Современный подход ВС РФ, с одной стороны, сузил объем понятия «судебная практика» – ныне нарушением ее единообразия в толковании и применении норм права, а равно толкованием и применением правовых норм, является решение, противоречащее исключительно постановлениям Пленума ВС РФ и постановлениям Президиума ВС РФ¹. С другой стороны, закон, устанавливая основания для отмены (изменения) судебных постановлений, существенно расширяет перечень оснований для отмены решения, которые можно обнаружить исключительно путем исследования материалов судебной практики. Нормы подпункта 4 пункта 1 и пункта 2 статьи 330 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 4 части 1, части 3 статьи 270, статьи 287, части 3 статьи 288 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, пункта 4 части 2, части 4 статьи 310 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации указывают на неправильное применение норм права как на основание для отмены судебного решения в апелляционном и в кассационном порядке. Очевидно, что критерий правильности или неправильности его применения может быть обнаружен именно путем исследования отдельных судебных постановлений, далеко не все из которых являются предметом исследования в ВС РФ и далеко не все из которых удостоились места в обзорах судебной практики. Таким образом, несмотря на формально ограничительное толкование ВС РФ понятия судебной практики, оно остается максимально широким.

К категории наиболее сложных споров, рассматриваемых судами, относятся споры о *соот-*

ношение прав собственника (владельца) объекта энергетической инфраструктуры и прав собственника (владельца) земельного участка, на котором он расположен. Неудавшаяся, по мнению абсолютного большинства исследователей, реформа вещного права поставила вопрос о его развитии перед будущими поколениями юристов. Между тем на территории России находится огромное количество объектов энергетической инфраструктуры, как бесхозных, так и находящихся у фактически эксплуатирующих их лиц на правах, не предусмотренных действующим законодательством (например, «на балансе»). И если вопрос о бесхозных линейных объектах судебной практикой разрешен, по крайней мере в отношении объектов электроэнергетики, а в отношении остальных законодателем предложен путь практического разрешения данного вопроса [8], то в отношении участков недр, земельных участков и имущества, необходимого для эксплуатации участков недр, проблема не решена.

Представляется, что развитие законодательства об ограниченных вещных правах позволило бы легализовать правовой режим объектов инфраструктуры трубопроводного транспорта в части определения прав и обязанностей их фактических владельцев. Все так же актуален вопрос о критериях определения имущества в качестве недвижимого и объектов в качестве объектов капитального строительства². В связи с этим востребованными в правоприменительной практике остаются вопросы соотношения правомочий собственников объектов инфраструктуры трубопроводного транспорта и прав собственника (владельца) земельного участка, на котором они расположены.

Постановлением Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2023 г. № Ф05-5521/2023 по делу № А41-6061/2022 признано отсутствие у собственника объектов трубопроводного транспорта и любых других инженерных сетей оснований для признания его права на земельные участки, под которыми они размещены (например, права преимущественной покупки земельного участка). Собственник таких объектов вправе требовать ограничения прав землевладельца через суд в связи с установлением охранных зон, а также в

¹ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2015) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 25.11.2015) (ред. от 28.03.2018) // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2017. – № 6 (поправка).

² Право и экономическая деятельность (экономическое право) : Учебник / Р. А. Курбанов, Ю. А. Крохина, Р. А. Гурбанов [и др.]. – М. : Проспект, 2023.

случаях, предусмотренных законом для эксплуатации таких объектов, добиваться установления сервитута на земельный участок¹.

Закон «О недрах» практически не оставил недропользователям иной модели договорного взаимодействия с владельцем земельного участка, нежели аренда. Это подтверждает и судебная практика. ВС РФ в одном из своих последних постановлений подтвердил разделение прав на участок недр и прав на земельный участок – при прекращении договора аренды земельного участка обладатель прав на участок недр фактически теряет право на доступ к нему². С другой стороны, Законом «О недрах» предусмотрено изъятие земельных участков для государственных муниципальных нужд у частных собственников по ходатайству недропользователей.

Известная практике земельного права проблема соотношения размеров земельного участка и размеров занимаемого им объекта недвижимости (которые в соответствии с принципом «единства юридической судьбы» земельного участка и расположенного на нем недвижимого имущества не должны отчуждаться отдельно друг от друга) проявилась в новом качестве – соотношении размеров горного отвода и земельного участка. Возникает практически «зеркальный» вопрос о необходимости предоставления права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию. В условиях законодательного пробела суды выносят диаметрально противоположные по смыслу решения³.

Договоры энергоснабжения являются публичными, что подтверждается судебной практикой: пункт 15 Постановления Пленума ВС РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 отнес к категории публичных договоры, заключаемые лицом, обязанным в силу требований закона продавать товары, выполнять работы, оказывать услуги и т. д. в отношении любого обратившегося к нему лица, например договоры в сфере энергоснабжения (п. 1 ст. 426 ГК РФ).

Помимо недопустимости установления индивидуальных цен для потребителей, недопустимости преференций при заключении договора, недопустимости отказа от его заключения⁴, квалификация договора энергоснабжения как публичного автоматически ставит вопрос о юридических основаниях отказа от него в одностороннем порядке. Причем действующее гражданское законодательство не предусматривает никаких специфических особенностей одностороннего отказа именно от публичного договора. Вообще этот институт, являясь исключением из общей нормы гражданского права, обеспечивает свободу договорного взаимодействия сторон в аспекте возможности прекращения договорных отношений. С другой стороны, это нарушает принцип обеспечения предсказуемости и определенности – возможность прекращения другой стороной договорных связей в любой момент не способствует созданию прочных экономических связей, но заставляет контрагента заниматься поиском альтернативных связей, что, конечно, способствует развитию конкуренции.

ВС РФ признал приоритет конструкции публичного договора над предусмотренными нормами об отдельных видах договоров правом на односторонний отказ от него, применив принцип приоритета общей нормы над нормой специального характера. Согласно пункту 12 Обзора судебной практики по делам о защите прав потребителей, односторонний отказ исполнителя от исполнения публичного договора возмездного оказания услуг в отсутствие нарушений со стороны потребителя не допускается даже тогда, когда возможность одностороннего отказа предусмотрена специальными правилами о соответствующих категориях договоров. Как разъяснено в абзацах 1–3 пункта 21 указанного выше Постановления Пленума ВС РФ, по смыслу пункта 2 статьи 310, пункта 3 статьи 426, статьи 450.1 ГК РФ односторонний отказ лица, обязанного заключить публичный договор, должен иметь своим основанием нарушение его потребителем, в противном случае данный отказ не влечет правовых последствий⁵.

¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 31 марта 2023 г. № Ф05-5521/2023 по делу № А41-6061/2022.

² Пункт 4 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2025) (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18.06.2025).

³ Решение АС Хабаровского края от 6 августа 2020 г. по делу № А73-3962/2020; Решение АС Белгородской области от 29 марта 2022 г. по делу № А08-4344/2021.

⁴ Необходимо обратить особое внимание на то, что ГК РФ запрещает отказывать в заключении такого договора, но не запрещает односторонний отказ от обязательств по нему.

⁵ Определение Судебной коллегии Верховного Суда от 20 апреля 2021 г. № 78-КГ21-12-К3 // Обзор судебной практики по делам о защите прав потребителей (утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 20.10.2021).

Данный запрет сформулирован не законом, но судебной практикой, из чего следует очевидно возросшая роль судебной практики как инструмента правового регулирования. По нашему мнению, это представляется качественным, сущностным изменением – формулируя не предусмотренный законом прямо запрет, суд переходит от функции толкования норм действующего законодательства к функции преобразования применения его норм.

Оборот энергетических ресурсов предполагает их транспортировку преимущественно трубопроводным транспортом, что существенно повышает значимость правового режима линейных объектов. В связи с этим значимость приобретают вещные права на них как на средства доставки товара. Арбитражный суд Поволжского округа признал законным раздел линейного объекта недвижимости на два самостоятельных объекта. Признав незаконным отказ в постановке двух объектов на кадастровый учет, суд кассационной инстанции сформулировал правило о том, что раздел объекта недвижимости представляет собой самостоятельный способ образования объекта недвижимости, наряду с реконструкцией. Отказ в осуществлении государственного кадастрового учета объектов недвижимости, образуемых в результате раздела ранее учтенного в ЕГРН объекта, нельзя признать соответствующим требованиям закона¹, если они образуются из объекта недвижимости, раздел которого возможен.

Ранее мы уже обращали внимание на конкуренцию норм различных отраслей законодательства.

Отмечается совершенно различный юридический объем самого понятия «законодательство» и различная иерархия нормативных актов [2]. Например, судья ВС РФ О. Ю. Шилохвост отмечает, что «...там, где речь идет о снабжении энергетическими ресурсами жилых домов и помещений граждан-потребителей... на систему правового регулирования накладывается жилищное законодательство, имеющее к тому же законодательно закрепленный приоритет в регулировании находящихся в его сфере правоотношений перед нормативными актами иной отраслевой принадлежности, включая законодательство о снабжении энергетическими ресурсами» [15].

Современные исследователи развития отраслей российского права отмечают следующую тенденцию. Если значимость разделения на отрасли права снижается, то разделение на отрасли российского законодательства возрастает [12]. Отсутствие у организации статуса организации по добыче угля позволило суду сделать вывод о неприменении Федерального закона «О государственном регулировании в области добычи и использования угля, об особенностях социальной защиты работников организаций угольной промышленности»², т. е. исключить применение законодательства о государственном регулировании добычи (переработки) и использования угля (горючих сланцев) и отнести выдачу этой организацией угля населению к расходам в смысле налогового законодательства³. И, наоборот, игнорирование положений данного федерального закона федеральным органом исполнительной власти привело к неправомерному привлечению недропользователя к административной ответственности за бурение скважин в целях дегазации шахты без получения лицензии на пользование недрами⁴. Между тем следует иметь ввиду то, на что указывает И. А. Игнатьева, когда пишет, что исходя из формулировок статьи 3 Федерального закона «О газоснабжении» правовое регулирование газоснабжения осуществляется нормативными правовыми актами федерального и муниципального уровней, но при этом реализация ряда положений этого закона «предполагает принятие субъектом РФ нормативных правовых актов, как непосредственно регулирующих отношения в области газоснабжения, так и затрагивающих это регулирование при регулировании смежных общественных отношений (в частности, в вопросе социальных гарантий малоимущих граждан)» [6]. Таким образом, применение различных отраслей права фактически является, если использовать современную лексику, бесшовным.

² Собрание законодательства Российской Федерации. – 24.06.1996. – № 26. – Ст. 3033.

³ Постановление ФАС Восточно-Сибирского округа от 20 января 2014 г. по делу № А33-3856/2013.

⁴ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 ноября 2020 г. № Ф04-4579/2020 по делу № А27-23851/2019. Определением Верховного Суда Российской Федерации от 24 февраля 2021 г. № 304-ЭС20-24259 по делу № А27-23851/2019 в передаче дела в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации отказано.

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 21.02.2023 № Ф06-28560/2023 по делу № А55-8372/2022.

Судебная практика по применению нормы, содержащейся в пункте 19 Правил поставки газа для коммунально-бытовых нужд граждан¹, основана именно на нормах ГК РФ о договорах энергоснабжения, а не на нормах о договоре поставки.

Учитывая достаточно высокий общий уровень монополизации в сфере ТЭК, а также большой удельный вес повторяющихся моделей взаимодействия, отношения участников этого рынка часто основаны на договорах с высоким уровнем стандартизации – типовых договорах, договорах присоединения и других договорах, условия которых фактически или формируются только одной стороной, или не могут быть изменены даже обеими сторонами.

Если договор поставки газа заключен не на организованных торгах, то потенциальный покупатель газа обращается к поставщику с заявкой на приобретение газа, на которую в течение 30 дней с даты поступления этих заявок поставщик направляет заявителю оферту в форме подписанного проекта договора или письменный мотивированный отказ в его заключении. Акцепт оферты возможен в течение 30 дней с даты ее получения, если иной порядок акцептования не предусмотрен самой офертой. При этом в Правилах поставки газа прямо говорится об акцепте оферты именно как о «подписанном экземпляре договора». То есть этот алгоритм заключения договора поставки газа предоставляет преимущества поставщику, который, являясь оферентом, всегда находится в позиции стороны, предлагающей условия договора, – часто они подписываются покупателями без возможности обсудить его условия (особенно если поставщик – монополист). Из этого следует, что на договор поставки газа распространяется действие правила *contra proferentem* – толкования, направленного против стороны, сформулировавшей условия договора². Данное правило, появившееся в Принципах международных коммерческих договоров УНИДРУА, отразилось в одном из постановлений прекратившего

свою работу ВАС РФ³. Практика Верховного Суда РФ подтвердила его применение в системе российского права⁴ и распространила его действие, в частности, на отношения сторон договоров поставки газа, заключенных по результатам организованных торгов⁵. Кроме того, судебной практике знакомо толкование договора *contra proferentem* в случаях, когда установлен факт заключения договоров с разногласиями со стороны лица: суды приходят к выводу о том, что все двоякие условия договоров должны толковаться против интересов того лица, чью редакцию стороны согласовывали⁶.

Существует и противоположный подход – некоторые арбитражные суды отказывают в применении правила *contra proferentem* в случаях, когда «утверждение положений договора проводилось посредством интенсивных переговоров»⁷, поскольку в этом случае презюмируется факт участия обеих сторон в выборе терминологии и формулировок.

Учитывая конструкцию договора энергоснабжения как публичного договора, заслуживает внимания и позиция ВС РФ относительно договоров, заключенных на основе правил и типовых договоров, в том числе и договоров энергоснабжения. Эта позиция состоит в отрицании возможности толкования судами их условий *contra proferentem*⁸. И хотя приведенное Определение ВС РФ касается водоснабжения, очевидно, что этот подход может по аналогии быть распространен на все договоры

³ Конкретнее в пункте 11 Постановления Пленума ВАС РФ от 14 марта 2014 г. № 16 «О свободе договора и ее пределах».

⁴ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с добровольным страхованием имущества граждан (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 27.12.2017) // Бюллетень Верховного Суда РФ. – № 11. – Ноябрь, 2018.

⁵ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 18 сентября 2019 г. № 08АП-10447/2019, 08АП-10667/2019 по делу № А75-5791/2019.

⁶ Постановление Восьмого арбитражного апелляционного суда от 6 декабря 2015 г. № 08АП-11481/2015 по делу № А70-13943/2014. Постановлением Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 25 февраля 2016 г. № Ф04-259/2016 данное постановление оставлено без изменения.

⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19 октября 2018 г. № 17АП-13096/2018-ГК по делу № А60-33076/2018.

⁸ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 апреля 2016 г. № 305-ЭС15-16052 по делу № А41-76129/2014. Данный подход отражен также в ряде судебных постановлений нижестоящих инстанций: Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 июня 2019 г. № 13АП-12700/2019 по делу № А21-15382/2018.

¹ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 3 июля 2019 г. № Ф08-4289/2019 по делу № А53-30852/2018 и Определение Верховного Суда Российской Федерации от 25 октября 2019 г. № 308-ЭС19-19231.

² Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 6 декабря 2018 г. № Ф04-5266/2018 по делу № А03-19704/2017.

о передаче права собственности на энергетические ресурсы в целом – связь водоснабжения и энергоснабжения подтверждается правилом, сформулированным в пункте 2 статьи 548 ГК РФ о применении правил ГК РФ о договоре энергоснабжения к отношениям, связанным со снабжением через присоединенную сеть, в том числе снабжения водой. Ряд таких договоров является обязательным к заключению.

Конкурируют нормы ГК РФ об энергоснабжении и с нормами жилищного законодательства. Так, Определением Судебной коллегии по экономическим спорам ВС РФ от 18 июля 2018 г. № 308-ЭС18-3663 по делу № А63-15697/2017 признано, что подача абоненту – физическому лицу через присоединенную сеть тепловой энергии и горячей воды осуществляется в целях оказания соответствующих коммунальных услуг гражданам, проживающим в многоквартирном доме, и регулируются нормами жилищного, а не гражданского законодательства [3. – С. 263]. Нормы последнего применяются лишь постольку, поскольку они не противоречат положениям Жилищного кодекса Российской Федерации, согласно которым расчет осуществляется на основе показаний приборов учета, а при их отсутствии – исходя из нормативов потребления коммунальных услуг.

Цена договора поставки не является существенным условием договора: отсутствие данного условия в договоре уполномочивает стороны на применение цены по аналогии – на основе суммы, обычно взимаемой за аналогичные товары (п. 3 ст. 424 ГК РФ). Разумеется, такая формулировка дает существенные возможности для маневра – стороны договора могут доказывать цену на основе других аналогичных договоров, заключенных ими. Так, в споре по делу № А40-157727/2013 представитель истца привел в качестве доказательства своих требований государственные контракты, заключенные ответчиком (Министерством труда и социального развития) с иными поставщиками. И хотя предмет доказывания был иным – истец доказывал, что неустойка, рассчитанная ответчиком, никак не связана с ценой договора и определена произвольно¹, – очевидно, что такой же способ доказывания может быть использован и при определении цены договора поставки в порядке части 3 статьи 424 ГК РФ.

Вместе с тем приведенный пример применим к ценам, определяемым исключительно на основе принципа свободы договора, которая, в свою очередь, предполагает свободу определения его цены. Между тем не только договор поставки энергетических ресурсов, но и абсолютное большинство сопутствующих их поставке договоров (договор транспортировки энергетических ресурсов, договор на подключение к сетевой инфраструктуре, договор на переток электроэнергии, договор на осуществление оперативно-диспетчерского управления (ОДУ), договор на присоединение к оптовому рынку электроэнергии и т. д.) характеризуются тем, что их цена является регулируемой, и тем, что способы ее определения также подлежат регулированию государством в лице Правительства Российской Федерации, Федеральной антимонопольной службы и субъектов Российской Федерации.

О. Ю. Шиловский критиковал подход арбитражных судов, выражающийся в «редактировании» составами судов условий договоров в случае их несоответствия императивным нормам законодательства – вместо того, чтобы исключать их из договора [15. – С. 163]. Очевидно, такой подход был основан на принципе стабильности гражданского оборота и принципе сохранения договора². Так, абзац 6 пункта 3 Постановления Пленума ВС РФ «О свободе договора и ее пределах» содержит следующий вывод из содержания пункта 1 статьи 544 ГК РФ об определении размера платы по договору энергоснабжения: если плата за единицу поставляемого по договору энергоресурса регулируется государством, а не является свободно определяемой сторонами договора, то установление соглашением сторон иного количества энергии, оплачиваемого абонентом (потребителем, покупателем), нежели фактически принятое им, возможно тогда, когда невозможно определить фактически принятое количество энергии в соответствии с данными учета, а закон или иные правовые акты не предусматривают его определения в отсутствие этих данных. Это правило направлено на защиту публичных интересов, обеспечиваемых государственным регулированием тарифов.

¹ Решение Арбитражного суда г. Москвы по делу А40-157727/2013.

² Согласно пункту 44 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 25 декабря 2018 г. № 49 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора», при наличии спора о действительности договора суд, пока не доказано иное, исходит из действительности договора.

Таким образом, судебной практикой сформулировано правило, согласно которому норма, не имеющая прямого указания закона на ее императивность, тем не менее, императивна.

Частным проявлением общей проблемы конкуренции гражданского законодательства и норм специальных законов в сфере недропользования является неоднозначная квалификация скважины как объекта гражданских прав, правовой статус которого определяется на основе норм ГК РФ о вещных правах на недвижимое имущество и как части участка недр, правовой режим которого определяется не гражданским законодательством, а законодательством о недрах. В настоящее время данная проблема остается нерешенной. Судебная практика рассматривает скважину и как самостоятельный объект недвижимости, и как составную часть сложной вещи¹, а равно главной вещью² или, наоборот, принадлежностью главной вещи³. Наконец, скважина нередко признается и частью участка недр, что исключает возможность ее квалификации в качестве объекта гражданских прав и, соответственно, гражданско-правового подхода к характеристике прав и обязанностей ее владельца.

Прекращение права пользования недрами являлось до недавнего времени единственным действенным (в условиях минимальных размеров административных штрафов того периода) инструментом воздействия на поведение недропользователей. Существенным аспектом его применения является перечень правовых оснований для при-

менения органом государственной власти такой крайней меры.

Арбитражный Суд Дальневосточного Округа сформировал практику применения положений Закона «О недрах» в отношении характера перечня правовых оснований для прекращения права пользования недрами.

Прекращение права пользования недрами, в отличие от его возникновения, возможно не только по основаниям, указанным в Законе «О недрах». Согласно части 1 статьи 23 Закона «О недрах», нарушением требования по рациональному использованию и охране недр является несоблюдение установленного законодательством порядка предоставления недр в пользование или самовольное пользование недрами. В этом случае право пользования недрами может быть ограничено, приостановлено или прекращено.

С точки зрения Арбитражного суда Дальневосточного округа, закон предоставляет Роснедрам право прекращать право пользования недрами в случаях, когда это право было предоставлено с нарушениями требования рационального недропользования. Таким образом, прекращение права пользования недрами возможно не только по основаниям, предусмотренным статьей 20 Закона «О недрах». Последние относятся к случаям незаконного предоставления права пользования недрами и касаются допущенных недропользователем нарушений условий пользования недрами, поэтому к рассматриваемой ситуации данная норма не применяется⁴. ВС РФ подтвердил легитимность данного подхода⁵.

Судебная практика является наиболее оперативным инструментом развития права. Частота изменений российского законодательства, ставшая практически общим местом в любых исследованиях, критически оценивающих состояние законности в России, все равно не может обеспечить нужную оперативность изменения подходов к

¹ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 8 декабря 2015 г. № Ф06-3318/2015 по делу № А57-7539/2014 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

² В силу пункта 3 статьи 3.1 Федерального закона от 25 октября 2001 г. № 137-ФЗ «О введении в действие Земельного кодекса Российской Федерации» (Собрание законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 44. – Ст. 4148) к собственности муниципальных образований относятся земельные участки, занятые зданиями, строениями, сооружениями, находящимися в собственности соответствующих муниципальных образований. На этом основании Высший Арбитражный Суд Российской Федерации отнес земельный участок, на котором была расположена скважина, к собственности муниципального образования. См.: Определение ВАС РФ от 1 ноября 2012 г. № ВАС-13811/12 по делу № А35-6339/2011 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24 сентября 2020 г. № Ф10-3157/2020 по делу № А83-4114/2019 // Опубликовано в СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 14 марта 2023 г. № Ф03-490/2023 по делу № А51-3788/2022; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 17 января 2023 г. № Ф03-6181/2022 по делу № А51-20142/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 1 ноября 2022 г. № Ф03-5336/2022 по делу № А51-18642/2021; Постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 6 июля 2022 г. № Ф03-2657/2022 по делу № А73-14846/2021.

⁵ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24 апреля 2023 г. № 303-ЭС23-4282 по делу № А51-20142/2021.

разрешению тех или иных практических вопросов. В 20-е гг. XXI в. федеральными органами исполнительной власти было принято существенное количество нормативных правовых актов, регулирующих отношения в сфере пользования недрами. Подзаконные нормативные акты являются инструментом оперативного реагирования государства, их разработчики, в отличие от законодателей, имеют непосредственный контакт с предметом регулирования – соответствующей сферой общественных отношений. В свою очередь, судебная практика позволяет выявлять проблемы восприятия норм действующего законодательства непосредственно адресатами – сторонами судебного разбирательства.

Судебная практика на современном этапе развития выполняет преобразующую роль. Даже само понятие судебной практики, не определенное законодателем несмотря на формально ограничительное толкование ВС РФ, является максимально широким за счет того, что вывод о «правильном или неправильном» применении норм законодательства может быть сделан не только на основе Постановлений Пленума или Президиума ВС РФ или ВАС РФ – указанные акты априори не могут охватить все вопросы правового регулирования. Вывод также может быть сделан на основе ряда отдельных судебных постановлений судов нижестоящих судебных инстанций.

Введение в действующее законодательство положений об ограниченных вещных правах позволит легализовать правовой режим объектов инфраструктуры ТЭК (участков недр, земельных участков и имущества, необходимого для эксплуатации участков недр) в части определения прав и обязанностей их фактических владельцев (обладателей прав пользования).

Введя в недропользование договорную составляющую, Закон «О недрах» практически не оставил недропользователям иной модели договорного взаимодействия с владельцем земельного участка, нежели договор аренды, что смещает баланс прав и обязанностей в сторону государства, а это не способствует возникновению состояния определенности прав недропользователя на земельный участок и ставит под угрозу возможность или целесообразность осуществлять пользование участками недр. Например, в судебной практике не решен вопрос о границах арендуемого земельного участка для целей эксплуатации участков недр за счет предоставления права аренды на земельный участок – является ли его

предметом пространства строго в границах горного отвода, либо арендуемое пространство должно включать в себя земельные участки, необходимые для осуществления горных работ.

Квалификация договора энергоснабжения как публичного автоматически ограничивает возможность отказа от него в одностороннем порядке. Это не предусмотренное законом ограничение, сформулированное судебной практикой, является качественным, сущностным изменением, потому что суд на основе закона создает ограничения, не предусмотренные им.

Другим признаком обретения судебной практикой в сфере правового регулирования ТЭК характеристик полноценного инструмента правового регулирования является формулирование ею правила, согласно которому норма гражданского права, в отношении которой закон не указывает прямо на ее императивность, тем не менее может быть императивной. Такого рода правило сформулировано, например, в абзаце 6 пункта 3 Постановления Пленума ВС РФ «О свободе договора и ее пределах» в отношении нормы пункта 1 статьи 544 ГК РФ об определении размера платы по договору энергоснабжения. Оно состоит в том, что если плата за единицу поставляемого по договору энергоресурса регулируется государством, то возможность установления договором иного правила ограничена ситуацией, в которой в соответствии с данными учета определить фактически принятое количество энергоресурса невозможно, а правовые акты не предусматривают его определения в отсутствие этих данных. В иных случаях, как следует из указанного абзаца, цена договора не может определяться соглашением сторон.

В настоящее время судебной практикой не разрешены вопросы о юридической квалификации скважины; о соотношении прав собственников (владельцев, пользователей) участков недр, имущества, необходимого для их эксплуатации, и обладателей прав на земельные участки; о необходимости предоставления недропользователю права аренды на земельный участок либо строго в границах горного отвода, либо в пределах, необходимых для работ по недропользованию; вопрос о перечне правовых оснований для прекращения права пользования недрами, а также ряд других. Очевидно, что роль судебной практики качественно изменилась – функция правоприменения, будучи дополненной функцией по толкованию норм законодательства, позволила судам выполнять функцию правотворчества, действуя в канве,

определенной законодателем. Однако действие в сфере разведки и добычи энергетических ресурсов положений сразу нескольких основных отраслей законодательства (как минимум гражданского законодательства и законодательства о недрах), различный объем этих отраслей, неопределенность понятия «судебная практика» не позволяют судебной практике выработать оптимальное решение. Представляется, что законодатель должен сыграть роль *deus ex machinae* (лат. – «бог из машины»), разрешив эти вопросы на уровне норм законодательства о недрах и гражданского законодательства. Кроме того, нельзя не отметить того, что все перечисленные вопросы имеют своей

первопричиной отсутствие системы ограниченных вещных прав в российском законодательстве, а также параллельное действие гражданского законодательства и законодательства о недрах. Так, статус права пользования недрами, очевидно, обладая вещно-правовыми характеристиками, до сих пор не определен.

Вместе с тем представляется, что даже в отношении «разрешенных» судебной практикой вопросов также необходимо достижение стабильности правового регулирования путем закрепления результатов правоприменительной практики в нормах законодательства.

Список литературы

1. *Василевская Д. В.* Правовой режим недропользования в России и зарубежных странах. – М. : ПравоТЭК, 2010.
2. *Данилова Н. В.* Конкурсы и аукционы на право пользования недрами: проблемы правового регулирования // *Экологическое право.* – 2002. – № 2. – С. 40–44.
3. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов; отв. ред. Т. Я. Хабриева. М. : Норма : ИНФРА-М, 2023.
4. Доктринальные основы практики Верховного Суда Российской Федерации / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, Р. А. Курбанов. – 2-е изд., дополненное. – М. : Норма : Инфра-М, 2025.
5. *Евраев М. Я., Писенко К. А.* Основные направления развития законодательства о размещении государственных и муниципальных заказов, а также законодательства об использовании ограниченных природных ресурсов в свете актуальных задач конкурентного реформирования отечественного законодательства и управления в сфере экономической деятельности // *Финансовое право.* – 2006. – № 8. С. 22–30.
6. *Игнатьева И. А.* Правовое регулирование использования возобновляемых источников энергии в субъектах Российской Федерации // *Право и бизнес.* – 2022. – № 2. – С. 27–35.
7. *Курбанов Р. А., Налетов К. И.* Развитие конституционных принципов в сфере регулирования экономики // *Журнал Белорусского государственного университета. Право.* – 2019. – № 3. – С. 38–42.
8. *Мурзин Д. В.* Приобретение права собственности на бесхозные линейные объекты в упрощенном порядке // *Закон.* – 2023. – № 12. – С. 48–54.
9. *Никитина Н. К.* Эффективность функционирования государственной системы лицензирования права пользования недрами. – М. : Геоинформмарк, 2009. – С. 4–11.
10. *Прокаев А. В.* Гражданско-правовые основания возникновения права пользования недрами // *Гражданское право.* – 2010. – № 3. – С. 86–89.
11. Современные концепции верховенства права и правового государства: сравнительно-правовое исследование / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, С. В. Чиркин [и др.]. М. : Норма, Инфра-М, 2023.
12. Сравнительное конституционное право : монография / Т. Я. Хабриева, А. И. Ковлер, В. В. Лазарев [и др.]. – М. : Норма, 2025.
13. *Толстых Н. И.* Правовое регулирование организации и проведения конкурсов (аукционов) на право пользования недрами (окончание) // *Право и экономика.* – 2000. – № 5. – С. 52–62.
14. *Уаге М. Б.* Особенности организации и проведения природоресурсных аукционов // *Имущественные отношения в Российской Федерации.* – 2024. – № 5. – С. 66–74.
15. *Шилохвост О. Ю.* Спорные вопросы судебной практики по договорам энергоснабжения: монография. – М. : Норма : Инфра-М, 2012.